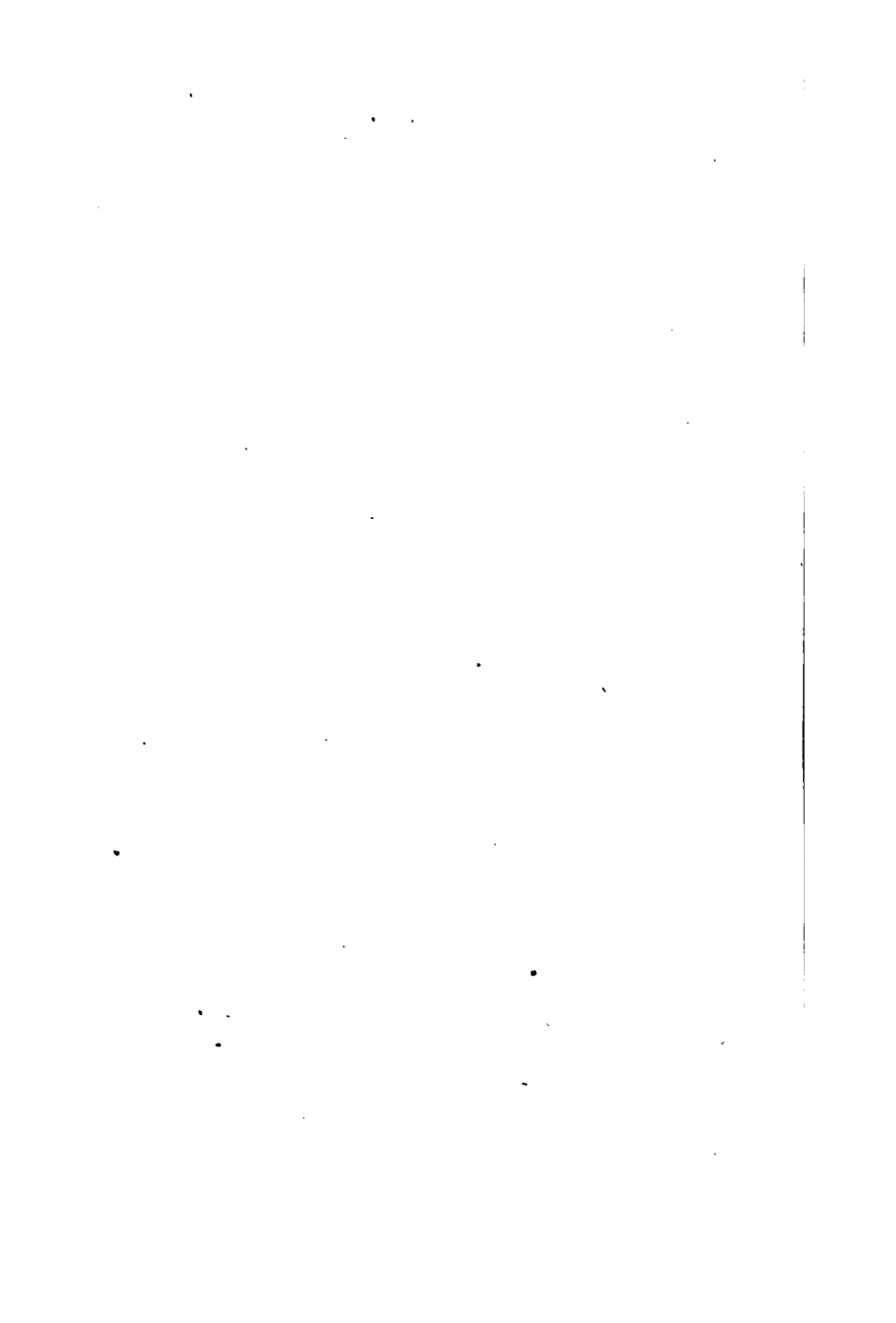

ИСКУССТВО.

ИСКУСИТЕЛЬ.

СОЧИНЕНИЕ

М. Вазюкина.

—•••—
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
—•••—

C'est un tableau de fantaisie dont
tous les détails sont peints d'après
nature.

—•••—
МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва. 4 Декабря, 1853
года.**

Ценсоръ В. Флеровъ.

ИСКУСИТЕЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОЛОМЕНСКОЕ.

Насъ было пятеро. Обо мнѣ говорить нечего; но я долженъ сказать нѣсколько словъ о моихъ товарищахъ. Первый: сіятельный сожлуживецъ мой, Григорій Владиміровичъ Двинской, Московскій природный князь; Русской — не Русской, Французъ — не Французъ, а такъ, существо какого-то средняго рода, впрочемъ острый малой, избалованный женищинами повѣса, большой

шалунъ; но только самого хорошаго тона. Второй: Антонъ Антонычъ фонъ Нейгофъ, магистръ Дерптскаго университета, ипохондрикъ, ужасный чудакъ, послѣдователь мистической школы Сведенборга, фанатикъ, мечтатель, всегда живущій въ какомъ-то невещественномъ мірѣ, отъявленный защитникъ всѣхъ алхимиковъ, астрологовъ, духовидцевъ, и даже извѣстнаго обманщика, Италіянца Калиостро. Третій: Капитанъ Архаровскаго полка, Андрей Андреичъ Возницынъ, человѣкъ не больно грамотный; но честный, простодушный и веселый малой; и наконецъ четвертый: Василій Дмитричъ Закавказской, очень умный и замѣчательный молодой человѣкъ. Онъ много путешествовалъ и только что воротился изъ чужихъ краевъ; но это вовсе не расхолодило его чистую и просвѣщенную любовь къ отечеству. Встрѣчая дурное на своей родинѣ, онъ горевалъ, а не радовался,

не спѣшилъ указывать пальцемъ на каждое черное пятно и не щеголялъ передъ иностранцами своимъ презрѣніемъ къ Россіи. Совершенно чуждый этой исключительной и хвастливой любви къ отечеству, которою гордились нѣкогда наши предки, онъ любилъ все прекрасное, кому бы народу оно ни принадлежало; но только прекрасное *свое* радовало еще болѣе его сердце; а онъ находилъ это прекрасное и въ своемъ отечествѣ, потому что не искалъ въ немъ одного дурнаго. Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ, не смотря на свое Европейское просвѣщеніе, вовсе не походилъ на этихъ жалкихъ проповѣдниковъ Европейизма, для которыхъ все сряду хорошо чужое и все безъ исключенія дурно свое. Онъ живетъ теперь въ моемъ сосѣдствѣ. Сколько разъ, читая вмѣстѣ со мною какую нибудь новую выходку противъ Русскихъ художни-

ковъ и писателей, онъ смѣялся отъ всей души надъ пустословіемъ и безсильной злобою этихъ грозныхъ судей, которые стараются изъ-за угла забросать всѣхъ своей природной грязью. «Бѣдные мученики!» — говоритъ онъ всегда, — «ну изъ чего они хлопчутъ? Ихъ имена или исчезнуть вмѣстѣ съ ними, или передадутся потомству какъ условныя названія скупыхъ и «лицемѣровъ, оставленныхъ въ наслѣдство нашему вѣку безсмертнымъ Мольтроу, который, къ сожалѣнію, не успѣлъ заклеить никакимъ общимъ и позорнымъ названіемъ этихъ литературныхъ трутней, оскверняющихъ все своимъ прикосновеніемъ.»

Время было прекрасное; не смотря на то, что дѣло шло ужъ къ осени, и что у насъ Сентябрь мѣсяцъ почти всегда *смотритъ Сентябрь*, день былъ жаркой, на небѣ ни одного облачка, и самый пріятный, лѣтній вѣтерокъ

чуть-чуть колебалъ осенній листъ на деревьяхъ; мы всѣ согласились ѣхать въ Коломенское; хотя это историческое село, которое долго почиталось колыбелью Петра Великаго, не далѣе пяти верстъ отъ заставы; но мнѣ не удалось еще побывать въ немъ ни разу. Сначала древняя церковь Вознесенья и разбросанные кой-гдѣ остатки знаменитыхъ Коломенскихъ чертоговъ, которымъ иѣкогда дивились послы и гости иноземные, обратили на себя все мое вниманіе; но когда мы обошли временныя палаты, построенныя Екатериною второй, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ встарину возвышались шести-ярусные терема, и красивыя вышки любимаго потѣшнаго дворца Царя Алексѣя Михайловича, то очаровательный видъ окрестностей села Коломенскаго заставилъ меня забыть все. Внизу у самой подошвы горы, на которой мы стояли, изгибалась Москва

рѣка; за нею, среди роскошныхъ поемныхъ луговъ, подымались стѣны и высокая колокольня Перервинской обители; далѣе обширныя поля, покрытыя нивою, усаженные селами, рощами и небольшими деревушками. Верстъ на десять кругомъ взоръ не встрѣчалъ никакой преграды: онъ обѣгалъ свободно этотъ обширный, ни чѣмъ не заслоняемый горизонтъ, который, казалось, не имѣлъ никакихъ предѣловъ.

— «Какой очаровательный видъ!» — вскричалъ я; — «да это прелесть! И я живу третій годъ въ Москвѣ, а не бывалъ здѣсь ни разу?»

— «То-то и есть,» — подхватилъ Возницынъ; — «мы видно всѣ на одинъ покрой: ѣздимъ за тридевять земель, чтобъ посмотрѣть на что нибудь хорошее, а не видимъ его, когда оно близехонько у насъ подъ носомъ.»

— «Да неужели ты думаешь» — сказалъ съ улыбкою князь Двинской —

«что этотъ обыкновенный и пошлый видъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ? Небольшая горка, ничтожная рѣка, монастырь, въ которомъ строеніе не Греческое, не Готическое, не Азіатское, а Богъ знаетъ какое, нѣсколько десятинъ луговъ и сотни двѣ разбросанныхъ по полю безобразныхъ избъ—ну есть чѣмъ любоваться!... Охъ вы господа Русскіе!... Вамъ все въ диковинку!»

— «Русскіе!» — повторилъ Возницынъ.— «А ваше Сіятельство Французъ чтоль?»

— «Не Французъ, да побольше вашего видѣлъ. Посмотрѣли бы вы Швейцарію...»

— «Да къ чему тутъ Швейцарія?» — сказалъ Закамской; — «и что общаго между Альпійскими горами и берегомъ Москвы рѣки? Конечно и въ Саксоніи множество видовъ лучше этого...»

— «Ну вотъ слышите!» — закричалъ князь.

— «Да только это ничего не доказываетъ» — продолжалъ Закамской; — «и въ чужихъ краяхъ и въ самой Россіи есть мѣстоположенія гораздо красивѣе; но и этотъ веселый сельской видъ весьма пріятенъ и я всякой разъ имъ люблюсь.»

— «Изъ патріотизма!» — сказалъ Двинской съ насмѣшливой улыбкою.

— «Да погляди кругомъ, князь! Развѣ это дурно?»

— «Конечно не дурно, потому что у насъ нѣтъ ничего лучше...»

— «Вокругъ Москвы? быть можетъ! Но поѣзди по Россіи...»

— «Нѣтъ, ужъ я лучше останусь въ Москвѣ. Послушай, фонъ Нейгофъ, — вѣдь ты философъ, — скажи: не правда ли, что изъ двухъ золъ надобно выбирать то, которое полегче?»

— «Неправда!» — отвѣчалъ магистръ. «Гдѣ болѣе зла, тамъ болѣе и борьбы; а гдѣ борьба, тамъ есть и побѣда.»

— «Вотъ еще что выдумалъ!» — вскричалъ Возницынъ; — «а если я не хочу бороться?»

— «Не хочешь! да вся наша жизнь есть ничто иное, какъ продолжительная борьба, и чѣмъ геніальнѣе человѣкъ, тѣмъ эта борьба для него блистательнѣе. Развитие душевныхъ силъ есть необходимое слѣдствіе...»

— «Бога ради!» — перервалъ князь — «не давайте ему говорить, а не то онъ перескажетъ намъ всего Эккартсгаузена, отъ доски до доски.»

— «Не смѣйся, князь!» — сказалъ Закамской, — «нашъ пріятель Нейгофъ говоритъ дѣло; да вотъ, на примѣръ: не всю ли жизнь свою боролся съ невѣжествомъ этотъ необычайный геній, который родился здѣсь въ селѣ Коломенскомъ?»

— «Неправда!» — перервалъ Нейгофъ. «Историкъ Миллеръ доказалъ неоспо-
ч. н. 1

римыми доводами, что Петръ Великій родился въ Кремлѣ.»

— «Быть можетъ» — продолжалъ Закамской; — «только здѣсь, въ Коломенскомъ, онъ провелъ почти все свое дѣтство. Здѣшній садовникъ, Осипъ Семеновъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ частехонько игралъ и бѣгалъ съ нимъ по саду.

— «Какой вздоръ!» — подхватилъ Возницынъ. — «Сколько же лѣтъ этому садовнику?»

— «Да только сто двадцать четыре года» (*).

— «Miséricorde!» — закричалъ князь; «сто двадцать четыре года!... Да развѣ можно прожить сто двадцать четыре года?»

— «Видно что можно.»

— «Ахъ, батюшки!... Сто двадцать

(*) Этотъ старикъ умеръ въ 1801 году.

четыре года!... Ну если мой дядя... Да нѣтъ, нынче не живутъ такъ долго.»

— «А ты вѣрно наслѣдникъ?»—спросилъ Возницынъ.

— «Единственный и законный,»—отвѣчалъ князь, вынимая свои золотые часы съ репетиціею.—«Господа!»—продолжалъ онъ — «половина втораго; теперь порядочные люди въ городѣ завтракаютъ, а мы въ деревнѣ, такъ не пора ли намъ обѣдать?»

— «А гдѣ мы обѣдаемъ?»—спросилъ Закамской.

— «Разумѣется здѣсь, на открытомъ воздухѣ!»—отвѣчалъ Возницынъ.—«Я велѣлъ моему слугѣ приготовить все — вонъ тамъ въ низу, въ рощѣ.»

— «Какъ! въ этомъ оврагѣ?»—сказалъ князь.

— «Такъ чтожъ? Тамъ гораздо лучше; здѣсь печетъ солнцемъ, а тамъ, посмотрите, какая прохлада; что дере-